

УДК 323(574)
ББК 66.3(0)(5Каз)

DOI 10.22394/1682-2358-2017-5-39-44

K.G. Sokolovsky, Candidate of Sciences (Law), Docent of the General Subjects Department, Humanities and Technical Academy, member of Kazakhstan Congress for Religious Studies

PATTERNS OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Based on the materials of the Republic of Kazakhstan the peculiarities of the state-confessional policy construction in a multi-ethnic country, as well as the directions of cooperation between the State and religious organizations are considered. The author demonstrates the role of the traditional denominations in bolstering the domestic political stability.

Key words and word-combinations: Kazakhstan, state-confessional relations, religious denominations, inter-religious cooperation.

К.Г. Соколовский, кандидат юридических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Гуманитарно-технической академии (Казахстан), член Конгресса религиоведов Казахстана (email: k_sokolovskiy@fastmail.com)

ПАТТЕРНЫ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. На материалах Республики Казахстан рассматриваются особенности построения государственно-конфессиональной политики в условиях полиэтничного государства, а также направления взаимодействия государства и религиозных организаций. Продемонстрирована роль традиционных конфессий в обеспечении внутривнутриполитической стабильности.

Ключевые слова и словосочетания: Казахстан, государственно-конфессиональные отношения, межконфессиональное взаимодействие.

При рассмотрении особенностей государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан следует учитывать два обстоятельства, которые, как представляется, оказывают первенствующее влияние на динамику их развития. Прежде всего это высокая полиэтничность населения. Так, по данным последней переписи [1, с. 20], в Казахстане проживают представители 125 национальностей, исповедующие 46 религий. В этой ситуации религиозность, зачастую выступающая элементом национальной идентичности, нередко становится причи-

ной потенциальной и неизбежной даже на бытовом уровне конфликтности, превращаясь в важный аспект политической культуры.

В противоположность этому в стране имеется богатый опыт взаимодействия различных конфессий, для которых территория современного Казахстана является канонической. Например, видным историком профессором М.С. Орынбековым установлено, что ислам и христианство представлены здесь с первой половины V в. [2, с. 145]. Это свидетельствует об их бесконфликтном сосуществовании на протяжении нескольких сотен лет, позитивном опыте диалога, толерантности, веротерпимости и, как показывают современные этнографические изыскания, инкультурации.

Тем не менее названные факторы не вступают в противоречие. Двумя ключевыми религиями — исламом ханафитского мазхаба и православием — взята на себя вся полнота ответственности за сохранение межконфессионального согласия в обществе. Не случайно в преамбуле Закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», в отличие от предыдущих нормативных правовых актов, прямо декларируется «историческая роль ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа (Казахстана — К.С.)» [3]. Безусловно, ни одна из представленных конфессий сегодня не в состоянии конкурировать с ними ни по численности последователей, ни по авторитету, ни по влиянию, оказываемому на внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев следующим образом определяет их роль в современной истории: «За все годы независимости мы всегда поддерживали равенство отношений, уважение ко всем религиозным конфессиям. Конечно, в Казахстане основными являются ислам и православие. Эти два столпа духовности — основа согласия в стране. Мы все знаем, что сегодня в мире происходят конфликты, в том числе на религиозной и этнической почве. Поэтому мы должны гордиться нашим островком стабильности и понимания» [4].

В свою очередь, исламские и православные общины активно сотрудничают при решении социально значимых вопросов [5, с. 81], а Верховный муфтий Казахстана Е.М. Маямеров и митрополит Астанайский и Казахстанский Александр (Могилев) публично подчеркивают важность межрелигиозного диалога. Так, поздравляя православных соотечественников с праздником Воскресения Христова, Е.М. Маямеров заметил: «Православие Казахстана, как и ислам, играет свою значимую роль в истории нашего государства и питает национальную культуру. Наши две религии, по образному выражению Н.А. Назарбаева, словно два крыла поддерживают гражданский мир и согласие в обществе, неустанно заботясь об укреплении высоких моральных, нравственных идеалов и добрых семейных традиций» [6].

Заметим, что подобного рода подход к построению государственно-конфессиональных отношений, когда властью определяются традиционные для конкретной страны религии, на которые делается ставка, — достаточно распространенное решение. Все религиозные объединения, несомненно, равны перед законом и вправе рассчитывать на равновесное отношение государства во взаимоотношениях с ним. Однако очевидно, что уровень авторитета среди граждан вне зависимости от их вероисповедания, а также степень влияния на социально-политические процессы, например Казахстанской митрополии Рус-

ской православной церкви (Московский патриархат), имеющей в стране 333 официально зарегистрированные общины и буддистов, имеющих две общины, (статистические данные по состоянию на 20 апреля 2017 г.) [7], объективно несопоставимы. Соответственно, государство вынуждено учитывать мнение многочисленных конфессий в большей степени, нежели малочисленных, хотя бы потому, что они являются выразителем мнения подавляющего большинства (социологические опросы показывают, что в Казахстане 81% граждан считает себя верующими, из них 14% относят себя к практикующим верующим, а около 70% — к умеренным (непрактикующим) верующим [7]).

По авторитетному заключению М.П. Мчедлова, который поясняет необходимость взаимодействия власти с традиционными религиями, представленными значительным числом прихожан, признанием их исторической социально-культурной значимости, что в то же время не должно становиться причиной дискриминации иных конфессий: «Такова историческая реальность» [8, с. 5].

До 1991 г. в Казахстане, как и во всех постсоветских странах, функционировала такая система взаимодействия власти и духовных институтов, в соответствии с которой первая имела безусловный приоритет. Ключевая характеристика данной модели — максимальная централизация религиозных организаций, их фактическое подчинение правительству и жесткий контроль над любыми проявлениями конфессиональной конфликтности.

С момента обретения независимости, напротив, было провозглашено отделение религии от государства с гарантиями свободы совести и вероисповедания, а также равноудаленной позицией светской власти от всех конфессий без исключения. Эта модель обеспечивает отсутствие первенствующей духовной традиции, равенство всех религиозных организаций, недопустимость их императивного влияния на внутреннюю и внешнюю политику страны (несомненно, нельзя при этом отрицать учет правительством мнения конфессий как авторитетных институтов гражданского общества, в том числе выступающих выразителем консолидированной позиции значительного числа казахстанцев из числа прихожан). Нужно понимать, что в условиях духовного вакуума, культурной и социальной дезориентации начала 1990-х годов именно традиционная религия, базирующаяся на вечных моральных ценностях, стала точкой опоры для сотен тысяч граждан.

При этом не вызывает сомнения, что традиционные религии сыграли также решающую роль в вопросах этнического самоопределения проживающих в Казахстане народов. Так, отечественные исследователи отмечают, что религиозное и национальное возрождение проходят в некотором смысле параллельно [9, с. 117], потому не удивительно, что с окончанием эпохи государственного атеизма казахстанцы обратились к тем религиям, которые являются традиционными для их этноса. В данном контексте религиозные обряды воспринимаются скорее не столько выражением собственно веры (инерция десятилетий атеизма, особенно в 1990-х годах, была велика), сколько признаком принадлежности к той или иной этнической культуре.

В принципе подобная модель поведения не нова и была свойственна автохтонам Средней Азии еще в период СССР, когда следование мусульманским традициям выполняло охранительную функцию от растворения народов в советском

melting pot. Американский социальный антрополог А. Халид пришел к выводу, что в данном случае общинным сознанием от конкретного человека «не требовалось ни проявления набожности, ни следования религиозным установкам. Ислам стал рассматриваться как неотъемлемая часть национальных традиций и обычаев, отличающих среднеазиатские народы от соседей» [10, с. 323].

На волне национального возрождения начала — середины 1990-х годов ислам воспринимался не столько как собственно религия, сколько эффективный фактор этнической консолидации коренного населения, находившегося в Казахстане в численном меньшинстве по отношению к представителям других народов. Не случайно руководитель казахстанской Информационно-коммуникативной службы «Диалог» И.С. Савин, анализируя тенденции распространения религиозно-экстремистской группировки «Хизб-ут-Тахрир» (запрещена в Республике Казахстан решением суда г. Астаны от 28 марта 2005 г.), приходит к выводу о том, что названное обстоятельство фактически сформировало в обыденном сознании тождество между такими понятиями как «национальное возрождение» и «исламское возрождение»: «Идеи национального возрождения, — указывает эксперт, — включали в себя заметные апелляции к мусульманству как к одной из серьезных сторон активно развиваемой этнической идентичности. Поэтому неудивительно, что именно ислам стал наиболее распространенной формой мировоззрения (казахов. — К.С.)» [11]. Иными словами, на заре независимости религиозный фактор воспринимался естественной составляющей политического и культурного ренессанса.

Однако данный фактор имел также и обратную сторону. Несмотря на усилия многочисленных исламских организаций, в том числе деструктивной направленности, а также отдельных харизматичных проповедников, в сознании простых прихожан не удалось добиться доминирования религиозного над светским. Это подтверждают выводы Г. Тазмини, известного британского специалиста по странам Центральной Азии. В частности, он обращает внимание на «отсутствие религиозной солидарности в регионе». По его мнению, «исламские узлы сильно переоценены, тогда как родоплеменные, этнические, языковые и национальные различия недооценены. Эти различия не обязательно преграждают путь общей исламской деятельности, но они значительно замедляют или даже препятствуют развитию радикального исламского движения» [12, с. 45]. Кроме того, по мнению исследователя, с которым можно согласиться, «распространению радикальных форм ислама препятствовали следующие факторы:

- 1) 98% мусульман Центральной Азии — сунниты, что ограничивает влияние исламских радикалов Ирана;
- 2) возрождается суфизм — одно из наиболее толерантных течений в исламе, который впитал догматы буддизма, шаманизма, христианства и отрицает политическое использование веры;
- 3) для многих ислам — лишь культурная традиция, а не инструмент изменения политической системы» [12, с. 46].

Сегодня Конституция Казахстана гарантирует возможность исповедовать ту или иную веру либо не исповедовать никакой. Религиозные структуры самостоятельно проводят организационную и кадровую политику, а членство в них никоим образом не отражается на правоспособности прихожан как граждан

Республики Казахстан. В то же время правительство при реализации социально значимых проектов вправе определять их оператором общественные объединения, к которым относятся и религиозные организации. Здесь оно, как представляется, исходит из двух обстоятельств.

С одной стороны, предполагается, что конструктивные религии (именно такие могут функционировать в правовом поле на официальных основаниях, пройдя экспертизу уставных документов и вероучительных доктрин) проповедуют единые общечеловеческие ценности, выступающие основой как межрелигиозного диалога, так и взаимоотношений с государством и социумом. С другой — приверженность к той или иной конфессии не рассматривается в качестве дезинтегрирующего фактора, напротив, она коррелирует с демократическими интересами общества. Все верующие и атеисты представляют собой прежде всего единую общность — граждане Республики Казахстан, связанные Родиной, территорией, единой над-этнической и наднациональной идеологией.

Названная модель взаимодействия государства и религии позволяет обеспечить разнообразие конфессий (вероучений, организационных форм, обряда и традиции), максимальную полноту духовной палитры, а также целостность социально-политической идеологии, идеалов казахстанского патриотизма и единой нации.

Характерно, что различного рода деструктивные культы (исламской, христианской направленности, неоязыческие, эзотерические, псевдовосточные и т.п.) подчеркнута позиционируются властью как внесистемные. Вопрос здесь даже не в том, что они очевидно не вписываются в палитру формировавшегося столетиями конфессионального поля страны: их деятельность, как показывают многочисленные исследования, нарушает сложившийся религиозный баланс, расшатывает устоявшуюся культурно-историческую консолидацию, ставит под угрозу сосуществование различных вероисповеданий, что для полиэтнического государства является критическим обстоятельством. В своей духовной экспансии, как правило опирающейся на внешние источники финансирования, большинство новых религиозных движений отрицают историческую легитимность в Казахстане ислама и православия.

В то же время еще в начале 2000-х годов уполномоченные государственные органы в силу либерального, как заключает С.С. Исмаилов, характера действовавшего законодательства [13, с. 59] не имели легальных средств даже для контроля за функционированием деструктивных культов. Собственно, одной из ключевых причин реформы государственно-конфессиональных отношений 2011 г. эксперты называют именно назревшую тогда необходимость введения многочисленных нетрадиционных религиозных движений в правовое поле, а также ограничение деструктивной деятельности части из них. Отметим, например, что если по состоянию на 1 января 2011 г. в Казахстане существовало 4551 религиозное объединение, то после обязательной перерегистрации их численность сократилась до 3088 организаций [14].

С подобной политикой полностью солидаризируются мусульманская и православная общины, которые выступают за ограничение деятельности в Казахстане нетрадиционных религий, подрывающих стабильность в обществе [15, с. 197—198]. В связи с этим закономерно оценка известного казахстанского

религиоведа З.Г. Джалилова: «Государство, ранее ориентированное на привлечение религии для осуществления гуманитарных программ, на деле вынуждено под воздействием внутренних и внешних факторов прибегнуть к усилению контроля над деятельностью религиозных объединений и организаций» [16, с. 77].

Не вызывает сомнения, что религия становится все более значимым фактором как во внутренней, так и во внешней политике, оказывает определенное влияние на социально-политическую и даже экономическую ситуацию в Центрально-Азиатском регионе, в отдельных странах приобретая крайне интенсивный характер воздействия. Вместе с тем нынешняя система государственно-конфессиональных отношений Казахстана в целом соответствует настоящему моменту развития страны и имеет значительный потенциал заложенных возможностей. Она способна обеспечить эффективное взаимодействие правительственных структур и религиозных организаций, межконфессиональный диалог, веротерпимость, а в конечном счете — снизить религиозную конфликтность и выступить залогом стабильного развития Казахстана.

Библиографический список

1. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г. Аналитический отчет Агентства Республики Казахстан по статистике / под ред. А.А. Смаилова. Астана, 2011.
2. *Орынбеков М.С.* Генезис религиозности в Казахстане. Алматы, 2013.
3. О религиозной деятельности и религиозных объединениях: Закон Республики Казахстан от 11 окт. 2011 г. № 483-IV. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690#pos=0;0
4. Встреча с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. URL: http://www.akorda.kz/ru/special/events/international_community/foreign_visits/vstrecha-s-patriarhom-moskovskim-i-vseya-rusi
5. *Сейсен Н.Б.* Диалог ислама и христианства в Республике Казахстан // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2016. № 22. С. 77–83.
6. Православных соотечественников поздравил с праздником Пасхи глава Духовного управления мусульман Казахстана. URL: <http://www.kazpravda.kz/tubric/obshchestvo/pravoslavnih-sootchestvennikov-pozdravil-s-prazdnikom-pashi-glava-duhovnogo-upr>
7. Религиозные объединения Республики Казахстан: Официальная статистика. URL: <https://diakom.gov.kz/ru/content/religioznaya-sfera>
8. *Мчедлов М.П.* Приоритет традиции или права // Религия и право. 2003. № 2. С. 4–6.
9. *Айталы А.А.* Нация и религия – основы независимости: статьи и интервью. Алматы, 2013.
10. *Халид А.* Постсоветские судьбы среднеазиатского ислама // Конфессия, империя, нация: Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства: сборник. М., 2012.
11. *Савин И.С.* «Хизб ут-тахрир» в Южном Казахстане: социальный портрет // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 6 (30).
12. *Tazmini G.* The islamic revival in central Asia: a potent force or a misconception? // Centr. Asian survey. Oxford, 2001. VOL. 20, № 1.
13. *Исмаилов С.С.* Вопросы межконфессиональных отношений в Республике Казахстан // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 10. С. 59–60.
14. *Сексембаева С.* Количество религиозных объединений Казахстана после перерегистрации сократилось более чем на тысячу. URL: <http://www.zakon.kz/4524612-kolichestvo-religioznykh-obedinenij.html>
15. *Агеев А.И., Байшуаков А.Б., Куроедов Б.В.* Стратегическая матрица Казахстана: ретроспектива, современность и сценарии будущего развития. М., 2006.
16. *Джалилов З.Г.* Религия в современном Казахстане: социологический аспект // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер.: Общественные науки. 2005. № 4. С. 76–88.